1-й экз.

1900 годъ VII-й

НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 4.-6

АПРѢЛЬ.

Изданіе П. П. СОЙКИНА
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ
д-ра филос. М. М. Филиппова.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
Р

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24 Марта 1900

Типографія П. П. Сойкина, Стремянная, 12.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

I. Крупная промышленность древняго міра. Проф. *Ю. Белоха* 649
II. Соціальное значеніе желѣзныхъ дорогъ въ Америкѣ. *П. Мижуева* 658
III. Доказательства существованія и единства эфира. Прив. доц. *Б. П. Вейнберга* 672
IV. Бытъ древнихъ скандинавовъ. Проф. *Могка* 687
V. Къ теоріи трудовой цѣнности. *Эд. Бернштейна* . . . 711
VI. Новое изслѣдованіе объ общинѣ (К. Качоровскій. Русская община) *М. Ф.* 727
VII. Дмитрій Ивановичъ Писаревъ. *Н. Каренина.* 741
VIII. Теорія критически-мыслящей личности. *М. Филиппова* 755
IX. Ученіе Бемъ-Баверка о доходѣ на капиталъ (*Окончаніе*). *А. Рыкачева* 776
X. Къ вопросу о производительномъ трудѣ. (Отвѣтъ г. С. Прокоповичу). *В. Базарова.* 797
XI. Научныя новости:
1. Переливаніе крови, какъ доказательство кровнаго родства между животными. 2. Новыя физіологическія изслѣдованія надъ круглолистной росянкой. 3. Саламандры, лишенныя легкихъ. 4. Проростаніе сѣмянъ, охлажденныхъ жидкимъ водородомъ. 5. Реформа календаря въ Россіи 806
XII. Новыя книги:
Штумпфъ, Эволюціонная идея въ современной философіи. *П. Берлина.* 809
XIII. Книги, полученныя редакціей.
XIV. Приложенія:
Берне. Мелкія сочиненія. Л.л. 5—12. (Окончаніе первой части).
XV. Объявленія.

ПОПРАВКА.

Въ статьѣ г. І. Давыдова («Научн. Об». № 1, 1900) на стр. 158, строка 28 св. послѣ словъ: участвуетъ ли онъ въ производствѣ непосредственно» слѣдуетъ добавить: *или непосредственно*, а на стр. 159 строка 18 св. послѣ словъ: «не въ процессѣ производства не ради» добавить: созданія.

ваемъ законы, но записываніе частными лицами старыхъ обычныхъ правъ которыя можно сравнивать съ Weisthümern. Даже крестьянское право являлось только начертаніемъ того, чему учило время. Настоящее законодательство возникло въ Норвегіи только во времена Магнуса Хаконарсона (1263—81), который издалъ законъ всему своему государству, включавшему въ началѣ его царствованія и Исландію; но прежде всего даровалъ христіанское право, составленное архіепископомъ Іономъ.

Эти старые мѣстные законы, написанные въ отличіе отъ южно-германскихъ роднымъ языкомъ, встрѣчаются въ Швеціи и Даніи. Это единственная оригинальная литература. Въ началѣ XIV столѣтія въ этихъ странахъ царила литературная пустота и то, что писалось здѣсь въ средніе вѣка, является переводнымъ съ нѣмецкихъ произведеній.

Проф. Могкъ.

Къ теоріи трудовой цѣнности.

Эдуарда Бернштейна.

Переводъ Пескиной.

При той упорной практической борьбѣ, которую приходится вести въ Германіи марксистамъ, немудрено, что интересъ къ болѣе абстрактнымъ вопросамъ теоріи ушелъ на второй планъ. Въ частности кажется, что столь живой нѣкогда интересъ къ проблемамъ ученія о цѣнности совершенно исчезъ. Критика, которой выдающіеся буржуазные экономисты (Лексисъ, Бемъ-Баверкъ и другіе) подвергли теорію марксизма послѣ появленія третьяго тома «Капитала», почти осталась незамѣченной въ нѣмецкой марксистской литературѣ. Кромѣ чрезвычайно интересной рецензіи Конрада Шмидта по поводу критики Бемъ-Баверка, рецензіи, не касающейся однако деталей этой критики, со стороны нѣмецкихъ марксистовъ не послѣдовало еще никакой «противокритики». А между тѣмъ пересмотръ тѣхъ пунктовъ, по поводу которыхъ Шмидтъ утверждаетъ, что Бемъ-Баверкъ раскрываетъ дѣйствительно существующія неясности марксистскаго ученія о цѣнности, является необходимымъ, даже въ томъ случаѣ, если мы и согласимся со взглядомъ Шмидта, что трудовая теорія цѣнности, послѣ добавленій, сдѣланныхъ Марксомъ въ третьемъ томѣ «Капитала», получаетъ для его анализа капиталистическаго хозяйства не то значеніе, какое, казалось, она имѣла на основаніи перваго тома «Капитала». Шмидтъ высказывается по этому поводу вполнѣ опредѣленно. Онъ вполнѣ ясно заявляетъ, что необходима болѣе точная переработка закона цѣнности для восполненія, теоріи, развитой въ «Капиталѣ», такъ какъ этотъ законъ, послѣ положеній выставленныхъ въ третьемъ томѣ о цѣнѣ и нормѣ прибыли, можетъ лишь имѣть значеніе гипотезы—по крайней мѣрѣ въ той его формѣ, какую онъ получилъ въ первомъ томѣ [1]). Эта

[1]) „Теорія (рѣчь идетъ о теоріи цѣнности Маркса), ничуть не представляющая ни эмпирическаго факта, выведеннаго на основаніи обыкновенной индукціи, ни, какъ нѣкоторые воображаютъ, одного лишь логическаго вывода, а являющаяся типичной предпосылкой, безъ которой весь законъ остается непонятнымъ“. Antonio Labriola. Disconendo di Socialismo e di Filosofia (Rom E Löscher et Comp.) стр. 21. Сравни также статью B. Croce „Critique de quelques concepts du Marxisme“ въ Devenir Social гдѣ вышеуказанное въ главныхъ чертахъ принимается. „Трудовая цѣнность Маркса не есть лишь логическое обоб-

гипотеза, прибавляетъ онъ, нуждается въ «модификаціи, которая уничтожила бы частичное противорѣчіе между нею и дѣйствительностью». И Шмидтъ выражаетъ надежду, что основательная полемика Бемъ-Баверка окажется плодотворной для марксизма и поведетъ къ болѣе точной формулировкѣ его существенныхъ основныхъ положеній.

Нѣсколько раньше, чѣмъ Шмидтъ писалъ вышеприведенное, повторяющее по существу лишь мысль, которую Шмидтъ защищалъ уже въ 1895 году въ письмѣ къ Энгельсу, [1]) я указывалъ на одинъ пунктъ, въ которомъ теорія трудовой цѣнности, по моему мнѣнію, въ особенности нуждалась въ болѣе точной обработкѣ. Я говорю о сведеніи такъ называемаго сложнаго труда на простой человѣческій трудъ. По теоріи трудовой цѣнности, цѣнность всякаго товара, за исключеніемъ монопольныхъ, опредѣляется трудомъ, необходимымъ для его созданія и измѣряемымъ рабочимъ временемъ. А такъ какъ существуетъ разнаго рода трудъ, то сложный трудъ разсчитывается какъ умноженный простой трудъ. Но что такое сложный трудъ и чѣмъ опредѣляется его отношеніе къ простому труду? «Различныя соотношенія, говоритъ Марксъ поэтому поводу, «въ которыхъ различные виды труда приводятся къ простому труду, какъ къ своей единицѣ измѣренія, устанавливаются общественнымъ процессомъ за глазами производителей и кажутся имъ поэтому существующими по обычаю (Kapital I, 2 Auflage, стр. 19)». Самого факта никто, конечно, не станетъ отрицать, но одно лишь указаніе на него оставляетъ слишкомъ многое безъ отвѣта, для того, чтобы получить значеніе исчерпывающаго обоснованія фундамента ученія о цѣнности. Каковы нормы, по которымъ совершается этотъ общественный процессъ?

Возьмемъ оба товара, о которыхъ Марксъ говоритъ въ указанной главѣ: сюртукъ и холстъ. Въ сюртукѣ заключается (независимо отъ сырого матеріала) трудъ портного, въ холстѣ—трудъ ткача. Перваго рода трудъ представляетъ въ часъ x, а второй y потраченнаго простого человѣческаго труда. Какъ образуется это отношеніе? Представляетъ ли здѣсь *продуктъ*, воплощеніе труда или *продуцентъ*, рабочій, центральный пунктъ движенія? Если мы примемъ первое, то мы необходимо дойдемъ до потребительной цѣнности, до полезности, какъ послѣдняго и рѣшающаго фактора, опредѣляющаго цѣнность, если же—второе, то мы скорѣе всего дойдемъ до того положенія, что опредѣляющимъ факторомъ является рабочая плата [1]), положеніе которой, правда, снова дастъ намъ твердую почву подъ ногами. Въ самомъ дѣлѣ мы имѣемъ достаточно причинъ, объясняющихъ различіе въ заработной платѣ; мы знаемъ, въ какихъ экономическихъ и историческихъ факторахъ намъ приходится искать причину этого различія. Трудность является лишь въ томъ, что намъ придется въ послѣднемъ счетѣ искать тайну цѣнности товаровъ въ заработной платѣ, а не въ количествѣ труда. И дѣйствительно, Марксъ самъ говоритъ въ одномъ важномъ мѣстѣ (глава 5 перваго тома): «Если цѣнность силы (рабочей силы) выше, то она обнаруживается также въ болѣе высокомъ трудѣ и овеществляется поэтому (!) въ одинаковые промежутки времени въ сравнительно болѣе высокихъ цѣнностяхъ («Процессъ труда и процессъ образованія цѣнности», томъ I, 2 Auflage, стр. 186). Здѣсь цѣнность рабочей силы, которая овеществляется въ заработной платѣ, оказывается рѣшающей для цѣнности продукта. Разъ мы однако примемъ это положеніе, вся марксистская теорія цѣнности получитъ, по моему мнѣнію, совершенно не ту форму, какую она до сихъ поръ имѣетъ въ изложеніи ея послѣдователей,—а въ томъ числѣ и самого Маркса, который въ своей лекціи «Заработная плата, цѣна и прибыль» ясно говоритъ: «Поэтому далеко не одно и то же—опредѣлять цѣнности товаровъ вложеннымъ въ нихъ относительнымъ количествомъ труда, или же примѣнять тавтологическій методъ и опредѣлять цѣнности товаровъ цѣнностью труда или заработной платой (N. Z. XVI; 2, стр. 71)». Здѣсь во всякомъ случаѣ мы имѣемъ пунктъ, требующій разъясненія, если только не считать рѣшеніемъ вопроса положенія, развитыя въ третьемъ томѣ, о цѣнѣ производства и цѣнѣ издержекъ, положенія, которыя, подобно факту прибавочной цѣнности, не

щеніе, а воображаемый, принятый какъ типъ, фактъ, т. е. она—нѣчто совсѣмъ другое, чѣмъ одна лишь логическая формулировка. Она не безцвѣтная абстракція, а обладаетъ всѣмъ богатствомъ конкретнаго факта". Но „она—законъ лишь въ изложеніи Маркса, а не въ экономической дѣйствительности". („Devenir Social IV, стр. 102—103).

(Теорія трудовой цѣнности, поскольку она состоитъ въ томъ, что трудъ есть единственный факторъ, создающій цѣнность, выводится изъ соціально-психологическихъ фактовъ и представляетъ абстракцію, имѣющую подъ собою, однако, эмпирическое основаніе. Поскольку же она утверждаетъ, что величина цѣнности, создаваемой даннымъ трудомъ въ единицу времени при любыхъ объективныхъ условіяхъ, есть величина *постоянная*,—эта теорія есть спеціально теорія Маркса и только, что приведенное положеніе есть постулатъ или предпосылка, связанная съ понятіемъ простого труда. Эмпирическій фактъ, лежащій въ основѣ этого постулата, по нашему мнѣнію, недостаточно установленъ. Нѣтъ двухъ видовъ труда (при измѣненіи объективныхъ условій), которымъ сотвѣтствовала бы въ среднемъ одинаковая физіологическая трата и „простой трудъ" можно принять лишь какъ условно избранную единицу мѣры. *Ред.*)

[1]) См. N. Z. XV, 1 стр. 49. Но не говоря уже о другихъ, уже въ 1889 году, какъ я это узналъ впослѣдствіи, англійскій писатель Грагамъ Уоллесъ спрашивалъ въ журналѣ „To day": „Если Марксъ разницу между „простымъ среднимъ трудомъ" и тѣмъ „сложнымъ" трудомъ, который считается „умноженнымъ простымъ трудомъ" измѣряетъ не цѣной ихъ продуктовъ на рынкѣ, а чѣмъ-либо инымъ, то каковъ же ея масштабъ?" (Статья „An economic Eigenicon" въ „To-day" за мартъ 1889). Уоллесъ, который пытается доказать, что Марксъ и Джевонсъ понимаютъ подъ „цѣнностью" двѣ совершенно различныя вещи, въ то время какъ каждый изъ нихъ выводитъ по поводу того, что онъ разсматриваетъ какъ проблему цѣнности, совершенно послѣдовательные и логичные законы, не продолжаетъ дальше своего разсужденія. Но ясно, что альтернатива зависимости отъ цѣны продукта равносильна зависимости отъ данной цѣны рабочей силы. Дальнѣйшее объ этомъ см. въ текстѣ. Къ положенію Уоллеса о различіи объектовъ теорій цѣнности Маркса и Джевонса и мы можемъ присоединиться. Джевонсъ ищетъ совсѣмъ не того, чего искалъ Марксъ. Онъ хочетъ найти масштабъ для того отношенія, въ которомъ товары дѣйствительно обмѣниваются во всякій данный моментъ, между тѣмъ какъ Марксъ ищетъ въ цѣнности тотъ факторъ, который, независимо отъ случайностей рынка, вліяетъ въ послѣднемъ счетѣ на образованіе цѣны. Третій томъ „Капитала" подтвердилъ нѣкоторыя положенія, которыя выставлялись приверженцами теоріи цѣнности Джевонса въ качествѣ возраженій приверженцамъ марксистской теоріи цѣнности, въ полемикѣ, разгорѣвшейся на страницахъ журнала „To-day".

[1]) Бернштейнъ упускаетъ изъ виду, что отношеніе, о которомъ идетъ рѣчь, могло возникнуть и между самостоятельными товаро-производителями, когда категорія заработной платы отсутствуетъ. Основа же мѣнового отношенія возникла, когда товары отчуждались еще не отдѣльными лицами, а общиной. См. статью въ № 1 Н. Об. 1900. *Ред.*

нуждаются для своего обоснованія въ теоріи трудовой цѣнности въ ея первоначальной формѣ.

Я ограничиваюсь лишь постановкой этой проблемы, какъ она мнѣ въ свое время представлялась, и перехожу къ своеобразной попыткѣ ея разрѣшенія, опубликованной уже въ началѣ 1896 года, но попавшейся мнѣ въ глаза лишь совсѣмъ недавно. Это работа Лео фонъ-Буха «Интенсивность труда, цѣнность и цѣна товаровъ» [1])—первая часть сочиненія «Объ элементахъ политической экономіи».

Бухъ различаетъ двоякаго рода цѣнность: оцѣночную цѣнность (Schätzungswerth) и просто цѣнность. Оцѣночной цѣнностью онъ называетъ ту цѣнность, которую товары получаютъ въ процессѣ присвоенія, или, выражаясь конкретнѣе, по которой товары *покупаются*. Это значитъ, что оцѣночная цѣнность не имѣетъ ничего общаго съ мѣновымъ отношеніемъ товаровъ между собой, такъ какъ теперь товары не обмѣниваются, а покупаются и продаются [2]). Въ куплѣ и продажѣ заключается отношеніе эксплуатаціи. Оцѣночная цѣнность товаровъ выражается ихъ цѣной. Указанная книга не касается того, какъ устанавливается и опредѣляется эта оцѣночная цѣнность, мы узнаемъ изъ нея лишь о ея отношеніяхъ къ цѣнности, которую мы и можемъ называть самостоятельной или абстрактной цѣнностью товаровъ.

Эта (самостоятельная) цѣнность товаровъ состоитъ въ заключающемся въ нихъ человѣческомъ трудѣ. Въ этомъ авторъ согласенъ съ Марксомъ. Но далѣе онъ расходится съ нимъ, прежде всего по вопросу о взаимномъ отношеніи разныхъ родовъ труда. Онъ ссылается на то, что самъ Марксъ сводитъ цѣнность на количества «абстрактнаго человѣческаго труда». Но если это такъ, то не можетъ быть принято раздѣленіе на простой и сложный трудъ, основывающееся на его классификаціи (т. е. выражающее не количественное, а качественное отношеніе). Необходимо найти и установить непосредственно количественный, исключающій всякій произволъ масштабъ [3]).

Какъ мы видимъ, это тотъ же, поставленный лишь съ другой точки зрѣнія, поднятый нами вопросъ.

Бухъ находитъ разрѣшеніе его, строго опираясь на понятіе труда въ физіологическомъ смыслѣ этого слова—превращенія потенціальной энергіи въ механическую работу. Для абстрактной цѣнности,—разсуждаетъ онъ,—при чемъ его изложеніе далеко не безукоризненно въ смыслѣ ясности и послѣдовательнаго развитія положеній—приходится принимать въ разсчетъ лишь *продолжительность и интенсивность* труда. Имѣетъ ли трудъ простой или сложный характеръ, вопросъ второстепенный, когда дѣло идетъ

[1]) Лейпцигъ 1896. Dunker und Humblot, 240 стр. 8°. Я буду касаться лишь тѣхъ пунктовъ этого сочиненія, которыя непосредственно касаются нашей темы. (Лео фонъ-Бухъ не кто иной, какъ нашъ соотечественникъ Левъ Бухъ и его книга существуетъ также на русскомъ языкѣ. *Ред.*).

[2]) Различіе мѣнового торга отъ денежной купли-продажи, конечно, существенно, но оно выражается въ различіи между мѣновой *цѣнностью* и рыночной *цѣной*. *Ред.*

[3]) Масштабъ этотъ выражается количественнымъ опредѣленіемъ самой квалификаціи, т. е. ея коэффиціентомъ, показывающимъ, какая часть часа сложнаго труда = 1 часу „абстрактнаго“ (принятаго за мѣрило) труда. *Ред.*

объ абстрактной цѣнности. Рѣшающимъ является не то, *на что* рабочій продуктивно тратитъ мускулы, мозгъ и т. д., а то, *сколько* труда онъ тратитъ. Если онъ сгущаетъ въ теченіе рабочаго часа большее количество мускульнаго и т. д. труда, онъ производитъ въ соотвѣтствующей пропорціи большую цѣнность. Но это сгущеніе представляетъ физіологическій процессъ и зависитъ кромѣ климатическихъ и т. под. вліяній, отъ *питанія и иного комфорта рабочаго и продолжительности рабочаго дня*. Чѣмъ лучше рабочій питается, тѣмъ онъ производительнѣе, тѣмъ интенсивнѣе онъ въ состояніи работать. Точно также интенсивность труда опредѣляется продолжительностью рабочаго дня: чѣмъ короче рабочій день и продолжительнѣе отдыхъ рабочаго, тѣмъ болѣе потенціальной энергіи рабочій въ состояніи превратить въ часъ въ механическую работу. Это—факты, установленные эмпирически, о которыхъ имѣется богатый статистическій матеріалъ и для которыхъ физіологія дала научное объясненіе [1]). На основаніи этихъ фактовъ должна существовать, согласно нашему автору, нормальная мѣра сгущенности труда. Онъ конструируетъ такую мѣру, устанавливая съ одной стороны восьмичасовой рабочій день, который онъ считаетъ максимумомъ возможнаго рабочаго времени, а предполагая съ другой стороны, что рабочій потребляетъ полную цѣнность продукта своего труда. Послѣднее условіе онъ считаетъ необходимымъ въ виду того, что для достиженія высокой производительности требуется достаточное питаніе и гармоническое удовлетвореніе культурныхъ потребностей. Человѣкъ, рабочій день котораго равняется восьми часамъ и которому достается весь продуктъ его труда, производитъ трудъ нормальной сгущенности или, какъ Бухъ его называетъ, предѣльной интенсивности (Limitarintensität). Въ скобкахъ онъ пишетъ «optimum», констатируя тѣмъ качественное отношеніе, но въ предыдущемъ указываются тѣ элементы, которые даютъ возможность изобразить это качественное отношеніе непосредственно въ видѣ количественнаго отношенія, лишь только мы въ состояніи найти, какъ велико фактически участіе рабочаго въ продуктѣ его труда или, выражаясь иначе, какъ велика степень эксплуатаціи труда. Если послѣдняя равняется 0, между тѣмъ какъ рабочій работаетъ 9 часовъ въ день, то и интенсивность труда согласно этому будетъ равняться 9 : 8 или 0,8888 «предѣльной интенсивности». На одинъ часъ приходится $\frac{0{,}8888}{9} = 0{,}0987$ «предѣльной интенсивности» одного дня. Эта часовая работа относится къ часовой работѣ нормальнаго рабочаго дня

[1]) Авторъ, самъ спеціалистъ (онъ упоминаетъ на стр. 4, что инспектировалъ петербургскія фабрики), цитируетъ по этому поводу наряду съ другими спеціалистами въ области физіологіи и гигіены преимущественно „Physiologie des exercices du corps“ Paris 1890 Ф. Лагранжа, сочиненіе, премированное парижской академіей наукъ. Приведу нѣсколько словъ изъ одной цитаты Лагранжа: „Органы человѣческаго тѣла замѣщаютъ потери, которыя они потерпѣли отъ работы и вознаграждаютъ себя новыми силами. Законъ жизни состоитъ въ томъ, что потери, вызванныя трудомъ, *уравновѣшиваются не во время работы, а послѣ нея*... Кровь, текущая по мускулу, производитъ настоящую мойку мускула, освобождая его отъ остатковъ сгоранія, созданныхъ трудомъ. Эта мойка требуетъ довольно продолжительнаго времени... Вслѣдствіе этого недостаточный отдыхъ, точно такъ же, какъ и скопленіе уничтоженныхъ вслѣдствіе сгоранія веществъ, должны повести къ недостаточному возстановленію или питанію органовъ, участвующихъ въ процессѣ труда (стр. 45—46).

$\left(\frac{1}{8}\right.$ часто 1 или 0,125$\left.\right)$ обратно пропорціонально квадрату 8 и 9, что даетъ намъ чрезвычайно простое уравненіе. Бухъ и формулируетъ слѣдующее правило: часовая интенсивность труда обратно пропорціональна квадрату длины рабочаго дня, выраженной въ часахъ и прямо пропорціональна величинѣ достающейся рабочему части цѣнности. Напримѣръ, при двѣнадцатичасовомъ рабочемъ днѣ и нормѣ участія рабочаго въ цѣнности продукта его труда, равной 0,3939, дневная интенсивность труда будетъ равняться 0,2666 и часовая интенсивность—0,0222 предѣльной интенсивности. Послѣднее число получается изъ уравненія:

$$x : 0{,}125 = (0{,}3939 \times 8^2) : (1 \times 12^2).$$

Число 0,125 въ этомъ уравненіи обозначаетъ предѣльную часовую интенсивность.

Практическіе примѣры, приводимые Бухомъ въ качествѣ доказательствъ формулируемой имъ теоріи, повидимому подтверждаютъ ее [1]). Его разсчеты настолько имъ соотвѣтствуютъ, что онъ не можетъ удержаться и замѣчаетъ въ заключеніи: «Кое кого изъ моихъ читателей удивитъ, вѣроятно, эта гармонія и послѣдовательность нашихъ разсчетовъ, но въ нихъ ничего удивительнаго нѣтъ, такъ какъ наши формулы всѣ безъ исключенія математически слѣдуютъ другъ изъ друга» (стр. 218). Насъ однако удивило нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ гармонія этихъ разсчетовъ.

Кромѣ нѣсколькихъ, упомянутыхъ лишь мимоходомъ, данныхъ русскихъ и англійскихъ фабричныхъ инспекторовъ, разсчеты Буха опираются на сравнительныя числа, которыя Шульце-Геверницъ приводитъ въ своей книгѣ «Крупное производство» относительно цѣнъ, рабочаго времени, рабочей продуктивности и заработной платы въ хлопчатобумажной промышленности Англіи и разныхъ государствахъ континента. Эти числа несомнѣнно доказываютъ, что болѣе короткое рабочее время, болѣе высокая заработная плата и большая продуктивность труда всегда совпадаютъ съ почти математической точностью, но они доказываютъ это положеніе лишь для одной отрасли промышленности и потому сами еще недостаточно доказательны для того, что то же отношеніе существуетъ и въ другихъ отрасляхъ промышленности. То, напр., что вѣрно относительно хлопчатобумажной промышленности, еще можетъ и не быть вѣрнымъ для машиностроительной промышленности, и то, что подходитъ для прядильщика, который считается квалифицированнымъ рабочимъ, еще можетъ не подходить по отношенію къ сверлильщику и даже не можетъ быть доказано, во всѣхъ касающихся этого вопроса пунктахъ, для ткача въ хлопчатобумажной промышленности. Дѣло идетъ не только о доказательствѣ одного и того же равномѣрно повторяющагося отношенія между рабочимъ временемъ и сгущенностью труда, но и о доказательствѣ подобнаго отношенія между степенью эксплуатаціи и сгущенностью труда.

Но Бухъ не пытается дѣлать подобное сравненіе и ограничиваетъ свои разсчеты (за исключеніемъ одного мѣста на стр. 136, гдѣ онъ касается ткацкаго дѣла и при этомъ отнюдь не получаетъ чрезмѣрно гармонирующія числа) исключительно областью хлопчатобумажнаго прядильнаго дѣла. Но здѣсь онъ незамѣтно дѣлаетъ слѣдующую рискованную ошибку. Шульце-Геверницъ приводитъ данныя о производительности, цѣнѣ продукта, заработной платѣ и рабочемъ времени, но не дѣлаетъ никакого разсчета того, каково участіе рабочаго въ цѣнности или въ цѣнѣ созданнаго продукта. Но по поводу этого пункта Марксъ во второмъ и слѣдующихъ изданіяхъ «Капитала» приводитъ примѣръ на основаніи данныхъ одного ланкаширскаго фабриканта, относящихся къ 1871 году. Отношеніе между заработной платой и цѣной, выведенное на основаніи этихъ чиселъ, Бухъ и принимаетъ въ качествѣ классическаго масштаба и опираясь на немъ и данныхъ Шульца-Геверница разсчитываетъ степень интенсивности прядильнаго труда въ разныхъ странахъ и для разныхъ нумеровъ пряжи. При этомъ онъ совершенно не останавливается на томъ вопросѣ, насколько цифры, положенныя въ основу разсчета Маркса, абсолютно или по крайней мѣрѣ въ одинаковой пропорціи повторяются и въ другомъ мѣстѣ и для другого времени. А вѣдь очевидно, что разъ послѣднее мѣняется, и полученная Бухомъ степень интенсивности должна измѣниться.

Въ дѣйствительности отношеніе между заработной платой и цѣной продукта (т. е. цѣной части цѣнности, прибавленной трудомъ) для того времени, къ которому относятся числа Шульце-Геверница (начало девяностыхъ годовъ этого столѣтія) совершенно различно отъ того отношенія, которое существовало въ то время, къ которому относятся числа Маркса. Марксъ считаетъ цѣну хлопчатобумажнаго сырья равной $7^3/_4$ пенса, цѣну пряжи № 32—$12^1/_4$ пенса съ фунта. Разность равна такимъ образомъ $4^1/_2$ пенса, что Энгельсъ и самъ признаетъ въ третьемъ томѣ «Капитала» (стр. 50) исключительно благопріятнымъ для предпринимателя отношеніемъ даже для того времени. Самъ Шульце-Геверницъ приводитъ для 1860 года на стр. 85 своего сочиненія разницу въ цѣнахъ, равную $4^5/_8$ пенсамъ съ фунта. Но въ томъ же мѣстѣ Бухъ могъ бы видѣть, что до начала 1892 года указанная разность цѣнъ упала почти на половину, а именно на $2^7/_8$ пенса съ фунта. А это показываетъ, что разсчитанная на основаніи данныхъ Маркса, относящихся къ 1871 году, мѣра сгущенности труда не можетъ, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, употребляться въ качествѣ нормальной мѣры для прядильнаго дѣла 1890 года. Бухъ же беретъ степень сгущенности, полученную для 1870 года (2,7521 максимума часовой продуктивности), противопоставляетъ ей среднюю заработную плату и рабочее время 1892 года и на основаніи этихъ трехъ чиселъ высчитываетъ нормальную или среднюю интенсивность для послѣдняго года. На основаніи этой новой средней интенсивности и той заработной платы, которую получаютъ прядильщики разныхъ нумеровъ пряжи въ 1892 году, онъ находитъ степени интенсивности труда отдѣльныхъ прядильщиковъ и—какъ вѣнецъ всего, ихъ участіе въ созданныхъ ими цѣнностяхъ! Фокусъ по истинѣ необычайный! Въ самомъ дѣлѣ, изъ одной эпохи онъ беретъ цѣнность продукта труда (прядильщика), изъ другой заработную плату разныхъ рабочихъ и на основаніи чиселъ, которыя въ 1871 году относились къ прядильщикамъ № 32 твиста, разсчитываетъ сгущенность и эксплуатацію труда, скажемъ, прядильщика № 120 для 1892 года!

[1]) Это невѣрно. Въ моемъ разборѣ книги Л. Буха, я показалъ, что его собственныя цифры сильно расходятся съ его теоріей. *Ред.*

Естественно, что при этихъ условіяхъ всѣ полученныя и приведенныя Бухомъ на стр. 114 его сочиненія разсчеты и всѣ позднѣйшія, основывающіяся на нихъ числа, совершенно ошибочны. Лежащая въ ихъ основѣ мѣра и степень эксплуатаціи, если не совершенно фантастичны, во всякомъ случаѣ вполнѣ произвольны. Перемѣнная величина, дѣйствительные размѣры которой слѣдуетъ опредѣлять для каждаго періода, принимается въ разсчетъ, какъ постоянная величина, и такимъ образомъ всякій разъ считается опредѣленнымъ то, что еще слѣдуетъ найти. Когда поэтому потомъ Бухъ для пробы провѣряетъ разсчетъ, то неудивительно, что у него получаются желательныя величины. У него все шло бы прекрасно даже и въ томъ случаѣ, еслибы онъ исходилъ изъ совершенно фантастической величины нормы эксплуатаціи. Гораздо болѣе удивительно, что онъ совсѣмъ не замѣчаетъ, въ какую логическую мышеловку онъ попадаетъ въ своихъ разсчетахъ. Его формулы безъ сомнѣнія математически слѣдуютъ другъ изъ друга. Онѣ вообще очень искусно выведены и для *иллюстраціи* его положеній во всякомъ случаѣ имѣютъ свое значеніе. Но онѣ совсѣмъ не доказываютъ вѣрности положеній [1]). При самой строгой математической точности можно дойти до величайшей несообразности, если не изслѣдовать точно величинъ, входящихъ въ формулы.

Но отвлекаясь отъ математическихъ доказательствъ Буха и строго держась логическаго развитія его положеній, мы должны признать, что Бухъ въ развитіи своего ученія о цѣнности съ величайшей энергіей придерживался единства понятія. Въ нашихъ глазахъ это не малая заслуга. Лишь единство хода мыслей гарантируетъ прочность теоріи. Всякій элементъ, по существу чуждый одному изъ основныхъ положеній какой либо теоріи, компрометируетъ ее и все ея развитіе.

Въ качествѣ основного пункта мы приняли абстрактный человѣческій трудъ, какъ его опредѣляетъ Марксъ въ первой главѣ Капитала, т. е. какъ создателя товарной цѣнности. «Всякій трудъ, говоритъ Марксъ на стр. 21 «Капитала» I, есть расходованіе человѣческой рабочей силы въ физіологическомъ смыслѣ, и въ этомъ качествѣ одинаковаго человѣческаго труда или абстрактнаго человѣческаго труда, онъ создаетъ стоимость товара». Бухъ твердо придерживается этого понятія и считаетъ неудачными всякія попытки принимать во вниманіе при опредѣленіи цѣнности другіе факторы, кромѣ продолжительности и интенсивности труда. Мы уже указали на его отношеніе къ раздѣленію труда на простой и сложный. Онъ конечно признаетъ, что существуетъ разнаго рода трудъ и что разные роды труда различно оцѣниваются и оплачиваются. Но это раздѣленіе не существенно для опредѣленія трудовой цѣнности товаровъ. Простой трудъ можетъ быть интенсивнѣе, чѣмъ сложный трудъ, такъ, напр., трудъ американскаго или англійскаго поденщика, очевидно, интенсивнѣе труда хуже ихъ живущаго русскаго подмастерья-портного. Точно также и такъ называемый простой трудъ очень разнообразенъ какъ въ разныхъ странахъ, такъ и въ предѣлахъ одной страны по своей интенсивности и потому и не можетъ считаться «мѣрой относительной интенсивности труда».

Такъ же отрицательно Бухъ относится къ вовлеченію производительности труда для опредѣленія товарной цѣнности. Обстоятельства, вліяющія на производительность труда, можно раздѣлить на 2 группы: на внѣшнія и внутреннія вліянія. Къ послѣдней группѣ принадлежатъ всѣ тѣ обстоятельства, которыя непосредственно вліяютъ на образованіе потенціальной энергіи человѣка, естественныя условія, питаніе, продолжительность рабочаго дня, его развитіе, образованіе и т. д. Они вліяютъ на интенсивность труда, а черезъ нее посредственно на величину цѣнности продукта, но сами по себѣ не даютъ еще масштаба для ея разсчета. Въ связи съ этимъ разсужденіемъ Бухъ также объявляетъ, что понятіе «общественной средней степени ловкости и интенсивности труда, какое Марксъ подставляетъ для образующаго цѣнность рабочаго времени, абсолютно ничего не выясняетъ. Въ каждомъ случаѣ должно принимать въ разсчетъ дѣйствительную интенсивность труда. Ни статистика, ни какіе либо аппараты, какъ динамометры, не могутъ дать мѣры для средней интенсивности труда. Орудія и разнаго рода трудъ въ его проявленіи въ этомъ пунктѣ несравнимы, такъ какъ «никто еще не изобрѣлъ инструмента для измѣренія интенсивности всѣхъ профессіональныхъ напряженій силъ и для выраженія ея въ одной общей формулѣ, которая бы давала намъ понятіе о природѣ средне-интенсивнаго труда» (стр. 160). Выраженіе «средній трудъ» «совершенно безсодержательно, непонятно и негодно» для теоріи и столь же «безполезно и незначуще» (стр. 160) въ этомъ отношеніи выраженіе «общественно необходимое рабочее время». Затѣмъ, если Марксъ говоритъ, что величина цѣнности товаровъ обратно пропорціональна производительности овеществленнаго въ нихъ труда и въ понятіе производительности включаетъ на ряду съ совершенствомъ орудія также и интенсивность труда, то онъ этимъ также заявляетъ, что величина цѣнности товара — прибавимъ отъ себя, при одинаковой производительности орудій—обратно пропорціональна интенсивности труда рабочаго. Но это невѣрно. Величина

---

[1]) Шульце-Геверницъ приводитъ между прочимъ на стр. 138—139 своего сочиненія числа о издержкахъ прядильнаго труда для двухъ родовъ сельфактора, которые прядутъ въ Ольдгемѣ 36 с. У одного, при парѣ сельфакторовъ, имѣющей 2376 веретенъ, работаетъ одинъ прядильщикъ съ двумя помощниками, у другого съ 2688 веретенъ одинъ прядильщикъ съ тремя подмастерьями. Первые получаютъ въ недѣлю всѣ вмѣстѣ 73,50 марокъ, послѣдніе 78,85 марокъ. Дневная плата такимъ образомъ въ первомъ случаѣ равна 4,08 марки на человѣка, во второмъ 3,28 марки. Дневное рабочее время въ обоихъ случаяхъ одинаково. Бухъ затѣмъ разсчитываетъ, исходя изъ средней поденной платы, что въ первомъ случаѣ производительность „прядильщика“ въ день равна 3,0679, а во второмъ 2,4663 часамъ труда максимальной интенсивности. Но къ его несчастію „прядильщикъ“ при второй парѣ сельфакторовъ получаетъ большую заработную плату, а именно 40,15 марки противъ 38 марокъ въ недѣлю, онъ долженъ поэтому работать интенсивнѣе прядильщика при первой парѣ, что въ дѣйствительности и происходитъ. У Буха получается обратное отношеніе лишь потому, что онъ беретъ среднюю поденную плату, при которой заработная плата прядильщика соединяется вмѣстѣ съ заработной платой гораздо хуже оплачиваемыхъ помощниковъ его. Можно повидимому считать основательнымъ такой разсчетъ на томъ основаніи, что прядильщикъ вмѣстѣ со своими помощниками образуютъ единицу труда, интенсивность которой приходится и разсчитать. Это было бы справедливо, еслибы работающая, согласно разсчету Буха, интенсивнѣе первая прядильная единица не *продуцировала гораздо дороже*, чѣмъ вторая, а именно она доставляетъ фунтъ пряжи за 3,25 пфеннига прядильной платы, между тѣмъ вторая доставляетъ фунтъ за 2,88 пфеннига. (См. вышеуказанную таблицу Шульце-Геверница). Подобныя несообразности можно найти еще и въ другихъ разсчетахъ Буха.

цѣнности товаровъ всегда прямо пропорціональна интенсивности и продолжительности израсходованнаго рабочаго времени [1]).

Точно такъ же нельзя признавать непосредственнаго отношенія между повышеніемъ производительной силы труда *внѣшними или техническими* средствами (машинами и т. д.) и опредѣленіемъ величины цѣнности. Безъ сомнѣнія, машина понижаетъ цѣнность товаровъ, но это происходитъ лишь постольку, поскольку они уменьшаютъ количество требуемаго человѣческаго труда. А лишь послѣднее играетъ роль при опредѣленіи цѣнности (не считая конечно той части цѣнности, которая переносится на товаръ вслѣдствіе изнашиванія машины).

Если держаться этого точно формулированнаго основного положенія, то то положеніе, что лишь общественно-необходимое, т. е. потраченное при общественно нормальныхъ условіяхъ производства рабочее время вліяетъ на образованіе цѣнности, становится «безполезнымъ и незначущимъ» для опредѣленія величины товарной цѣнности. Введеніе механическаго ткацкаго станка *оставило безъ измѣненія* цѣнность приготовленнаго на ручномъ станкѣ товара, оно лишь вызвало столкновеніе между цѣнностью этого товара и его цѣной, такъ какъ цѣнность механически изготовленнаго товара *пала*. Ручной ткачъ принужденъ все болѣе и болѣе сбавлять цѣну своихъ товаровъ для того, чтобы быть въ состояніи конкурировать съ машиннымъ трудомъ до тѣхъ поръ, пока ему не приходится оставить поле брани [2]). Но цѣна есть нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ цѣнность. Слѣдуетъ безусловно протестовать противъ смѣшенія двухъ столь несравнимыхъ понятій, какъ *цѣнность вообще* въ качествѣ количества овеществленнаго абсткрактнаго человѣческаго труда и *мѣновая цѣнность*,— въ качествѣ соотношенія, въ которомъ потребительныя цѣнности одного рода обмѣниваются на потребительныя цѣнности другого рода (стр. 169). Не отдѣляя достаточно точно въ разныхъ мѣстахъ этихъ понятій, Марксъ вызвалъ «невѣроятную путаницу» [3]). Самъ авторъ, какъ уже было замѣчено, объявляетъ понятіе мѣновой цѣнности вообще устарѣлымъ, такъ какъ теперь ничто не мѣняется, а покупается и продается. Онъ замѣняетъ ее понятіемъ цѣнности присвоенія или оцѣночной цѣнностью (Aneignungs- oder Schätzungswerth). Эта оцѣночная цѣнность, которая, будучи выражена въ деньгахъ, называется цѣной, при нормальномъ ходѣ вещей постоянно выше цѣнности товаровъ. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ цѣнность товара заключается въ количествѣ труда, необходимаго для его изготовленія, измѣряемомъ по своей продолжительности и интенсивности, а интенсивность опредѣляется участіемъ рабочаго въ продуктѣ своего труда, то ясно, что цѣнность приближается къ оцѣночной цѣнности (Schätzungswerth) лишь въ той степени, въ какой растетъ участіе рабочаго въ продуктѣ своего труда. Но капиталистическое хозяйство исключаетъ возможность уравненія заработной платы всему продукту труда, и поэтому для того, чтобы хозяйство не велось съ убыткомъ, оцѣночная цѣнность должна всегда быть выше цѣнности. Такимъ образомъ ясно, что, разъ цѣнность опредѣляется степенью интенсивности труда и послѣдняя зависитъ отъ отношенія заработной платы къ продукту труда, то этимъ *цѣнность приравнивается заработной платѣ*. Этотъ выводъ Бухъ и дѣлаетъ. По его положенію, *заработная плата представляетъ эквивалентъ цѣнности, производимой рабочимъ*. Сверхъ этой цѣнности «рабочій не производитъ вопреки Карлу Марксу никакой прибавочной цѣнности». И несмотря на это, рабочій эксплуатируется капиталистомъ, такъ какъ послѣдній продаетъ продуктъ по цѣнѣ болѣе высокой, чѣмъ цѣнность, и такимъ образомъ даромъ присваиваетъ себѣ часть продукта труда.

Таковы главныя положенія разрѣшенія Бухомъ проблемы трудовой цѣнности. Мы дали ихъ въ возможно раціональномъ изложеніи, что не очень легко, такъ какъ самъ Бухъ, какъ онъ послѣдовательно ни проводитъ свои основныя положенія, очень часто выражается неясно и спутанно. Не разъ онъ самъ начинаетъ примѣнять отвергаемую имъ терминологію и выводитъ положенія, совершенно противорѣчащія его воззрѣніямъ, такъ что читатель начинаетъ сомнѣваться въ томъ, понимаетъ ли самъ авторъ то, что пишетъ. Но неудачная форма изложенія, которая, быть можетъ, въ значительной степени объясняется тѣмъ [1]) что авторъ не владѣетъ въ совершенствѣ нѣмецкимъ языкомъ, не должна служить основаніемъ отрицать совершенно консеквентный ходъ мыслей, лежащій въ основѣ его ученія.

Можно ли однако считать удачнымъ разрѣшеніе Бухомъ своего вопроса? Слѣдуетъ признать, что оно обнаруживаетъ большія преимущества въ двухъ пунктахъ. Оно успѣшно избѣгаетъ всякаго смѣшенія понятій, и старается оперировать съ такими понятіями, которыя представляютъ измѣримыя величины. Нѣтъ сомнѣнія, что намъ приходится считаться съ двоякаго рода цѣнностью, и это относится и къ цѣнности Маркса и другихъ и не можетъ быть избѣгнуто ни въ какой теоріи трудовой цѣнности. Различіе между цѣнностью вообще и цѣнностью присвоенія или оцѣнки, которое Бухъ дѣлаетъ, неизбѣжно приходится признать, и заслуга Буха состоитъ въ томъ, что онъ не связываетъ этихъ понятій ни съ какими чуждыми элементами, а всегда употребляетъ ихъ въ томъ значеніи, которое имъ присуще на основаніи его первоначальнаго опредѣленія. Если ближе всмотрѣться въ его оцѣночную цѣнность, то она оказывается ничѣмъ инымъ, какъ цѣнностью, какъ ее понимаетъ школа Джевонсъ-Бемъ-Менгера, и которая обусловливается отношеніемъ спроса и предложенія. И если анализъ спроса повелъ къ образованію понятія предѣльной пользы (Grenznutzen), то мы видимъ, что и Бухъ придалъ измѣримое содержаніе трудовой цѣнности,—которая для него есть собственно цѣнность,— установливая понятіе предѣльной интенсивности (Limitarintensität). Психологическому предѣльному понятію потребительной цѣнности противостоитъ

---

[1]) Здѣсь не раздѣленъ вопросъ объ интенсивности труда и его квалификаціи, какъ мы понимаемъ эту послѣднюю. *Ред.*

[2]) Здѣсь смѣшана индивидуальная цѣнность съ общественною. Пусть авторъ вспомнитъ, что говоритъ Марксъ напр. о трудѣ лѣнтяя.

[3]) *Цѣнность всей массы* ткацкихъ продуктовъ понижается, если только понизилась цѣнность хотя бы части продукта. Въ этомъ и состоитъ вліяніе машинъ, хотя бы на ряду съ ними уцѣлѣло ручное производство. „Путаница“ здѣсь на сторонѣ Л. Буха и Э. Бернштейна. *Ред.*

[1]) Это невѣрно въ томъ отношеніи, что и русское изданіе книги Л. Буха изобилуетъ такими-же неясностями. *Ред.*

въ трудовой цѣнности физіологическое предѣльное понятіе. Думалъ ли Бухъ объ подобномъ противопоставленіи можно будетъ лишь видѣть впослѣдствіи, такъ какъ въ упомянутомъ сочиненіи онъ вообще не касается вліянія потребленія на (оцѣночную) цѣнность. Этотъ вопросъ однако требуетъ вниманія, такъ какъ при трудѣ, создающемъ цѣнность, физіологическій моментъ имѣетъ огромное значеніе.

Присмотримся однако ближе къ тому, что Бухъ называетъ предѣльной интенсивностью (Limitarintensität) и что мы могли бы по аналогіи съ предѣльной полезностью называть предѣльной сгущенностью (Grenzdichtigkeit) труда. Она опредѣляется двумя факторами. Во-первыхъ рабочимъ временемъ. Это вполнѣ послѣдовательно и логично. Чѣмъ короче рабочій день, тѣмъ больше возможная сгущенность труда. Это—эмпирически добытое положеніе. Второй факторъ представляетъ заработная плата, или вѣрнѣе отношеніе заработной платы къ (оцѣночной) цѣнности продукта потраченнаго труда. Здѣсь связь менѣе ясна. Бухъ выясняетъ, что сгущенность труда тѣмъ больше, чѣмъ большую часть своего продукта рабочій потребляетъ. Но это далеко не безспорное положеніе. Хорошо питающійся рабочій, безъ сомнѣнія, производитъ больше, чѣмъ недостаточно питающійся и, посколько питаніе зависитъ отъ заработной платы, лучше оплачиваемый рабочій производитъ больше хуже оплачиваемаго. Но отношеніе заработной платы къ продукту труда *не только зависитъ отъ величины заработной платы*; оно обусловливается также въ значительной степени отношеніемъ капитала, уходящаго на заработную плату къ тому, что Марксъ называетъ постояннымъ капиталомъ. Очень хорошо оплачиваемый рабочій можетъ въ видѣ своей заработной платы получать гораздо меньшую часть (оцѣночной цѣнности) своего продукта, чѣмъ значительно хуже оплачиваемый рабочій. Мы здѣсь въ логическомъ развитіи положеній наталкиваемся на то-же допущеніе того, что еще подлежитъ доказательству, съ которымъ мы встрѣтились и когда дѣло шло о разсчетахъ Буха, и на самомъ дѣлѣ въ томъ и другомъ случаѣ дѣло идетъ объ одномъ и томъ же. Въ своихъ разсчетахъ Бухъ повсюду принималъ опредѣленную норму эксплуатаціи и такимъ образомъ получилъ въ своихъ результатахъ самую прекрасную гармонію. Въ логическомъ разборѣ онъ хотя и говоритъ о различныхъ степеняхъ эксплуатаціи, но оставляетъ безъ разсмотрѣнія разнообразіе въ составѣ капиталовъ [1]). И такимъ образомъ онъ самъ и непредупрежденный читатель не замѣчаетъ, что его положеніе ведетъ къ такимъ противорѣчіямъ, какъ выше указанное.

Другая ошибка только что разсмотрѣннаго положенія заключается въ томъ, что онъ предполагаетъ зависимость производительности рабочаго отъ нормы заработной платы тамъ, гдѣ они въ дѣйствительности существуетъ лишь въ опредѣленныхъ предѣлахъ и при опредѣленныхъ условіяхъ. Болѣе высокая заработная плата еще не обозначаетъ необходимо

[1]) Слѣдуетъ замѣтить, что Бухъ нигдѣ не даетъ замѣтить, что при составленіи его работы ему былъ извѣстенъ третій томъ „Капитала“. И если онъ дѣйствительно писалъ свою работу не зная его, то его работа заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія. (Это было бы основательно, если бы Бухъ предвосхитилъ идеи Маркса, все равно—соглашаясь съ ними или полемизируя. Ни того, ни другого, однако, нѣтъ. *Ред.*)

такое потребленіе, которое ведетъ къ большей интенсивности труда. Лучше оплачиваемый англійскій каменщикъ, напр., совсѣмъ не работаетъ интенсивнѣе своего товарища на континентѣ. Правда продуктъ труда каменщика не подвергается интернаціональной конкурренціи и постольку подлежитъ другимъ законамъ цѣны, чѣмъ напр. продукты прядильщика. Но это различіе не можетъ имѣть значенія для теоріи интенсивности труда, развиваемой нашимъ авторомъ, который разсматриваетъ цѣнность, совершенно не сообразуясь съ конкурренціей. Кромѣ того при конкурренціи рѣшающимъ факторомъ является не интенсивность, а *производительность* труда, которая, правда, обусловливается интенсивностью въ значительной степени, но далеко не исключительно.

Кромѣ того съ самой измѣримостью соотношенія между заработной платой и оцѣночной цѣной продукта труда дѣло обстоитъ совсѣмъ не такъ просто. Мы уже видѣли выше, какъ нашъ авторъ, для того, чтобы получить соотвѣтствующія числа для прядильнаго дѣла, соединилъ въ одну единицу прядильщика вмѣстѣ съ его помощниками, оплачивающимися втрое ниже его, и трудно представить себѣ, какъ онъ могъ иначе дѣлать свои разсчеты. Цифра интенсивности, которую онъ этимъ путемъ получаетъ, не соотвѣтствуетъ ни труду прядильщика, ни его помощниковъ. При этомъ Бухъ совершенно не принялъ въ разсчетъ, что процессъ превращенія хлопчатобумажнаго сырья въ пряжу требуетъ гораздо больше рабочихъ, чѣмъ прядильщика и его непосредственныхъ помощниковъ (чесальщиковъ, растягивателей, предпрядильщиковъ и т. д.), такъ что отношеніе одной только заработной платы прядильщика къ разницѣ въ цѣнахъ хлопчатобумажнаго сырья и пряжи можетъ дать совершенно ложный результатъ. Если даже принять всѣхъ этихъ наемныхъ рабочихъ, вмѣстѣ взятыхъ, за единицу и къ единицѣ даже присчитать плату носильщика и упаковщика, даже и въ этомъ случаѣ разсчетъ былъ бы невѣренъ, такъ какъ и работа въ бюро принадлежитъ къ необходимымъ издержкамъ производства, которыя входятъ въ цѣну производства продукта. Математическое вычисленіе нормы участія каждаго отдѣльнаго рабочаго или каждой отдѣльной категоріи рабочихъ въ цѣнности ихъ продукта является *фактической невозможностью*, если только не считать, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, разные роды труда качественно равноцѣнными. А разъ мы сдѣлаемъ послѣднее допущеніе, нѣтъ необходимости для разсчета различій интенсивности брать отношеніе къ цѣнѣ или оцѣночной цѣнности продукта. Они указываются тогда уже сами собой различіями въ заработной платѣ. Если мнѣ извѣстно, что прядильщикъ получаетъ за 9 часовъ труда 7 шиллинговъ въ день и его помощникъ за столько же часовъ 2 шиллинга, то я въ то же время знаю—предполагая, что теорія вѣрна, насколько трудъ перваго интенсивнѣе труда второго. Отношеніе ничуть не мѣняется, будетъ ли норма участія труда въ продуктѣ 30, 50 или 70 процентовъ.

Но какое вообще значеніе можетъ имѣть вовлеченіе нормы участія труда въ продуктѣ—въ разсчетѣ трудовой цѣнности? Мы знаемъ, что она намъ ничего вѣрнаго не говоритъ о дѣйствительной физической интенсивности труда. Рабочій предпріятія, примѣняющаго очень дорогія машины, получаетъ въ видѣ заработной платы гораздо меньшую часть разницы между фабрикатомъ и сырымъ матеріаломъ, чѣмъ рабочій той промыш-

ленности, гдѣ машина играетъ лишь незначительную роль. Но развѣ можно на этомъ основаніи утверждать, что напр. хлопчатобумажный прядильщикъ Ланкашира, охраняющій пару сельфакторовъ съ 2600 веретенъ, работаетъ менѣе интенсивно, чѣмъ какой либо ручной сапожникъ или токарь? Вовлеченіе нормы участія въ разсчетъ тѣмъ болѣе становится лишнимъ, что она въ послѣднемъ анализѣ просто сводится къ измѣренію интенсивности труда по мѣрѣ фактической уплаты, т. е. къ тому выводу, что, *такъ какъ* опредѣленная работа вознаграждается извѣстной частью продукта, она—принимая во вниманіе разницу въ рабочемъ времени—представляетъ опредѣленную интенсивность. Изъ экономическаго вознагражденія дѣлается выводъ о физіологической тратѣ энергіи.

Поскольку можно защищать это post hoc ergo propter hoc, постольку можно съ одинаковымъ правомъ принимать исходнымъ пунктомъ *высоту заработной платы*. Въ этомъ отношеніи намъ статистика цѣнъ жизненныхъ средствъ или покупательной силы денежной заработной платы доказываетъ гораздо больше, чѣмъ процентное отношеніе заработной платы къ оцѣночной цѣнности продукта труда. Она намъ указываетъ, сколько каждая категорія рабочихъ можетъ тратить на питаніе и удовлетвореніе культурныхъ потребностей разнаго рода и тѣмъ даетъ намъ возможность сдѣлать выводъ о ея индустріальной производительности.

Во всякомъ случаѣ въ теоріи Буха *заработная плата представляетъ собой основное мѣрило для разсчета цѣнности. Продолжительность рабочаго дня*,—какъ ни велико ея практическое значеніе въ дѣлѣ сгущенія труда,—занимаетъ въ его теоріи болѣе второстепенное мѣсто. Она дополняетъ мѣру, которую Бухъ, очевидно, заимствовалъ по аналогіи изъ физики и механики, гдѣ, какъ извѣстно, для оцѣнки проявленія силы примѣняются комбинированныя мѣры. Но изъ нея одной не было бы абсолютно никакой возможности сдѣлать какое либо заключеніе [1]). Безъ отношенія къ дѣйствительно уплачиваемой заработной платѣ теорія трудовой цѣнности виситъ въ воздухѣ.

Въ заключеніе поставимъ еще вопросъ, какое значеніе имѣетъ теорія Буха для теоріи цѣнности Маркса. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ признать, что она, несмотря на всѣ указанныя нами недостатки и ошибки, должна быть разсматриваема какъ значительный вкладъ [2]) въ дѣло развитія ученія о трудовой цѣнности. Она составляетъ первую, по крайней мѣрѣ отчасти удачную попытку далѣе развить теорію за предѣлами того

[1]) Бухъ кладетъ въ основу своего понятія „предѣльной сгущенности труда“ „восьмичасовой рабочій день, какъ нормальное рабочее время“. Послѣ нашихъ разсужденій въ текстѣ ясно будетъ, почему мы считаемъ *нормальную заработную плату*, заключающую извѣстный уровень удовлетворенія физическихъ и культурныхъ потребностей, гораздо болѣе раціональнымъ и въ особенности болѣе реалистическимъ основнымъ факторомъ этого понятія, чѣмъ колеблющееся, неуловимое понятіе „участія въ продуктѣ труда“ (Ertragsanteil der Arbeit). Народная логика здѣсь предупредила теорію и наряду съ требованіемъ нормальнаго рабочаго дня въ восемь часовъ поставила требованіе нормальной заработной платы—eight shillings a day.—Эта комбинація можетъ дать измѣримое понятіе, которое смѣло можетъ занять свое мѣсто наряду съ килограммметромъ и киловаттомъ.

[2]) Это мнѣніе Э. Бернштейна далеко не раздѣляется редакторомъ „Научн. Обозр.“. См. мою статью о книгѣ Буха, Н. Об. 1897 г. № 1.

ея состоянія, въ которомъ ее оставилъ Марксъ; удачную прежде всего потому, что она указываетъ направленіе, гдѣ необходимо дальнѣйшее развитіе для того, чтобы все понятіе трудовой цѣнности не превратилось въ безсодержательную фикцію. Со времени появленія третьяго тома «Капитала» не можетъ быть никакого сомнѣнія въ необходимости выяснять этотъ пунктъ. Третій томъ не даетъ отвѣта на тѣ вопросы, которые были вызваны первымъ. Мы напоминаемъ лишь о той полемикѣ, которая возникла въ концѣ 70-ыхъ и началѣ 80-ыхъ годовъ въ рядахъ приверженцевъ Маркса по вопросу, въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ объяснять понятіе общественно-необходимаго рабочаго времени, которое по теоріи опредѣляетъ цѣнность. Относится ли оно лишь къ средствамъ производства продукта или въ той же мѣрѣ и къ отношенію массы продуктовъ къ общественному спросу? По нашему мнѣнію это понятіе относится лишь къ средствамъ производства, но нельзя отрицать того, что разныя мѣста у Маркса и Энгельса (см. между прочимъ, послѣднее предисловіе къ «Нищетѣ философіи») какъ будто [1]) подтверждаютъ и другое его пониманіе. Очищеніе теоріи отъ такихъ неясностей и неопредѣленностей составляетъ, безъ сомнѣнія, задачу тѣхъ, которые считаютъ себя учениками Маркса. Научное изслѣдованіе не знаетъ застоя и съ его успѣхомъ растутъ его требованія и увеличивается въ особенности потребность въ болѣе точной формулировкѣ понятій. Это обнаруживается во всѣхъ дисциплинахъ, и нѣтъ основанія считать политическую экономію исключеніемъ изъ этого общаго правила.

Э. Бернштейнъ.

[1]) Не „какъ будто“, а на самомъ дѣлѣ подтверждаютъ, и обратно, нигдѣ у Маркса нельзя найти утвержденія, будто понятіе общественно-необходимаго рабочаго времени относится не ко всей массѣ продуктовъ, а лишь къ „средствамъ производства“. *Ред.*